

ИНДОЕВРОПЕЙСКИЕ ЯЗЫКИ

О.А. Осипова

МЫСЛИ ОБ ИНДОЕВРОПЕЙСКОМ ГЕТЕРОКЛИТИЧЕСКОМ СКЛОНЕНИИ

Томский государственный педагогический университет

Одним из древних индоевропейских склонений является гетероклитическое. Отголоски его можно обнаружить в отдельных ветвях и.-е. языков, например: гот. *fōn*, но двн. *fiur* (*fuir*) ‘огонь’ или греч. *μῆρη*, но лат. *manus* ‘рука’ (таких примеров можно достаточно найти у Э. Бенвениста [1]). Кроме чередований *r/-n-* в однокорневых словах приводятся также чередования *i/-n-*, *en/-n-*, *l/-n-* [2, с. 267]. Отмечены и другие чередования, но наиболее распространенным считается чередование *r/-n-*. Сохранение подобных чередований в одной парадигме было зафиксировано в санскрите, хеттском, древнеармянском (грабаре) и в отдельных словах в других древних и.-е. языках. В санскрите чередование основообразующих формантов представлено незначительным количеством слов. В.Д. Уитни отмечает, что эти чередования скорее всего можно обнаружить в словосочетаниях, а также в парадигме склонения. Так, санскр. *āhan* ‘день’ выступает в форме *ahar* или *ahas*, если она предшествует другому слову, и в форме *ahar*, *ahas*, *ahan*, если это слово замыкает предложение. Подобным же образом в предложении чередуются *ūdhan* и *ūdhas* ‘вода’ в более древнем языке, а затем последнее переходит в основы на *-as* [3, с. 160]. В древнеармянском языке гетероклитическое склонение включает значительную группу слов, которые образуют 7 подтипов. В грамматиках грабара этот тип склонения называют нерегулярным, поскольку многие слова имеют склонение, характерное только для данного слова. Наиболее распространенным для прямых падежей ед. ч. является формант *-r*, который чередуется или с гласной основой (возникшей из **u-*основ), или с сонантом *-n* [4, с. 228–134]. Однако чаще всего в древнеармянском чередуется основа слова на гласную или нулевую ступень основы с основой на согласную, в основном на сонант [там же]. Х. Стертевант приводит довольно большое количество слов в хеттском языке с чередованием *r/-n-*основ, где в прямых падежах обычно употребляется формант *-r-*, а в косвенных — *-n-*. Приведем парадигму ед. ч. склонения слова ‘вода’ по Стертеванту:

Nom.-acc.	<i>watar</i>
Gen.	<i>wetenas</i>

Dat.	<i>weteni</i>
Abl.	<i>wetenas</i>
Inst.	<i>wetenet</i>

Кроме того, им также отмечены более редкие формы склонения данного слова: Nom. *wetar*, Gen. *wetnas*, Instr. *wetant* [5, с. 184–186].

Известный исследователь древних и.-е. языков А.В. Десницкая также уделяет достаточно внимания этому загадочному склонению. Ученый подчеркивает, что корреляция основообразующих формантов наблюдается между прямыми падежами (им. и вин. п.) и косвенными падежами. Так же, как и другие исследователи, А.В. Десницкая указывает на наиболее распространенное чередование *r/-n-*, например: греч. им. п. *ὕδωρ* ‘вода’, но род. п. *ὕδατος* (<**ὕδνωτος*). Кроме чередования *r/n* ею приводятся форманты *-i* и *-n*, которые занимают те же позиции, например: др.-инд. им. п. *ásthi* ‘кость’ и род. п. *asthnáh* [6, с. 208–209].

Наиболее полно прослеживаются чередования *r/n*, *i/n* и основы (чистого корня) с сонантом у Э. Бенвениста. Он указывает, что такие чередования наблюдаются не только в архаичном склонении, но и в словообразовании, и у прилагательных, производных от существительных [1, с. 47]. Этому вопросу Э. Бенвенист уделяет большое внимание в своей книге «Индоевропейское именное словообразование» (1955). Все факты гетероклизма в склонении Э. Бенвенист подразделяет на три группы: чередование чистой основы (корня) в им., вин. п. ед. ч. с основой на *-n* в косвенных падежах; аналогичным образом построено чередование *r/n* и *i/n* [1, с. 47]. К первой категории он относит такие примеры, как скр. *yūṣ* (ср. р.) ‘похлебка’ и *yūṣán* [там же], где мы находим чередование между прямым падежом (без окончания) и косвенными падежами, в которых выступает формант *-n-*. Чередование в одной парадигме *r/n* Э. Бенвенистом приводится из хеттского языка по Стертеванту. К параллельному чередованию, кроме *r/n*, Бенвенист относит также *l/n*, формы которого засвидетельствованы в разных древних и.-е. языках, например: авест. *zətan* ‘земля’, двн. *himil* – гот. *himins* (род. п. ед. ч.) ‘небо’. Кроме того, Э. Бенвенист указывает, что формант *-en-*

встречается не только среди форм одного и того же слова, но и в словообразовании [там же, с. 47]. К сказанному добавим, что во многих наших работах показано, что одни и те же консонантные основообразующие форманты способны выступать в качестве первичных падежных показателей, суффиксов прилагательных, а также в словообразовании [7, с. 159–169; 8, с. 150–156 и др.]. Мы объясняем такие широкие функции одних и тех же консонантных формантов их местоименным происхождением [там же; 9–11]. Э. Бенвенист не стремится проникнуть в природу данных суффиксов, как это делает Шпехт [12, с. 293, 303–315, 353–386]. В его задачи входит показать, что когда-то данные форманты могли чередоваться в одной парадигме. По мнению Э. Бенвениста, большинство исследуемых им слов относится к среднему роду. Мы же считаем, что отнесение таких слов к ср. р. произошло на более позднем этапе развития древних и.-е. языков и, видимо, по чисто формальному признаку, т.е. корреляцией между прямыми падежами (им., вин. без окончания) и косвенными, в которых консонантные основообразующие форманты когда-то выступали в качестве показателя единственного активного падежа, а позже употреблялись перед окончанием. Чрезвычайно важно отметить, что Э. Бенвенист, описывая употребление форманта *-en-*, подчеркивает, что этот формант образует основу косвенных падежей или производных слов и противоплагается самому корню, образующему им.-вин. п. без какого-либо распространения [1, с. 49]. Далее он приходит к выводу, что элемент **-er* в им.-вин. п. имеет привходящий характер, т.е. он появился позже и не распространяется на всю парадигму [там же]. По нашему же мнению, большинство приводимых слов, когда-то относящихся к гетероклитическому склонению, можно трактовать в качестве слов с одушевленной семантикой. Конечно, к одушевленным они относятся не в современном понимании, а в восприятии древними мира, что и маркировалось соответствующими показателями одушевленности/активности, которые в свою очередь использовались в качестве показателя первичного активного падежа [см. наши работы: 7, 11, 8 и др.], т.е. падежа деятеля. Это явление, как остаточное, сохранилось в некоторых косвенных падежах, которые способны передавать функцию агенса. М.М. Гухман посвятила специальную статью, в которой она рассматривает дат.-вин. п., способный обладать такой функцией [13, с. 58–73]. В другой своей работе М.М. Гухман не обходит вниманием гетероклитическое склонение и пытается объяснить его тем, что «в развитии отдельных и.-е. языков чередование суффиксов внутри парадигмы исчезло, причем для всех падежных форм обобщается один из указанных суффиксов: так, в греческом

этим суффиксом в слове *πυρ* оказалось *-r-*, в готск. – *-n-* и т.д.» [14, с. 273]. Скорее, это констатация факта, а объяснение чередования в одной парадигме разных основообразующих формантов до сих пор не найдено. Однако в другом М.М. Гухман права, когда высказывает предположение, что в и.-е. языках «склонение имен существительных осуществлялось путем изменения характера самой основы, причем базой этого склонения являлась двухпадежная система: прямой – косвенный падеж» [14, с. 274; 15, с. 202, 207]. По ее мнению, это может быть подтверждено склонением местоимений, в котором выступает противопоставление двух основ [там же]. После работ И.М. Тронского, А.Н. Савченко, Т.Г. Гамкрелидзе и В.В. Иванова не приходится сомневаться в отношении двухпадежной системы для очень древнего периода и.-е. языков, но поскольку такая корреляция была прежде всего свойственна активному классу [16, с. 61, 132], то прямой падеж без окончания и косвенный, оформленный консонантными формантами, как раз и представляли наиболее древнюю систему склонения активных имен. Языки активного класса, к каковым в глубокой древности принадлежали и и.-е. языки, обладали, по мнению Г.А. Климова, весьма бедной системой склонения [16, с.131]. Далее он пишет: «Активный падеж ввиду своей специфической падежной характеристики противопоставляется в плане выражения инактивному как маркированный член оппозиции немаркированному» [16, с.159]. В силу того, что и.-е. имена в косвенных падежах содержали консонантный формант, а прямой не имел окончания, они, возможно, по чисто формальным причинам были причислены к ср. р. На самом же деле корреляция между падежом без окончания и косвенным маркированным падежом свойственна именам активного класса, да и само склонение зародилось, по мнению И.М. Тронского, у имен именно этого класса. «Существовал, стало быть, период, когда имена инертного класса имели единую парадигму, в то время как в противостоящем активном классе уже развилась падежная дифференциация» [17, с. 92]. Ученый также считает, что «и для именного строя и.-е. языков, и для глагольного можно реконструировать некие ступени развития, предшествующие статусу, известному в исторически засвидетельствованных языках» [там же]. Архаичность парадигмы ср. р., в которой им. п. не маркирован, отмечает и М.М. Гухман [15, с. 201–202]. Не случайно А.Н. Савченко придает огромное значение древнему и.-е. генитиву на *-s*, который так же, как и им. п., мог служить падежом агенса [18, с. 74–90]. Широкие функции за генитивом усматривают Э. Бенвенист и Леви-Брюль [19, с. 156–164; 20, с. 102]. Все сказанное лишь подтверждает, что в древности консонантные основообразующие фор-

манты выполняли очень широкие функции. Однако если мы в состоянии благодаря типологическим параллелям с финно-угорскими языками трактовать древние и.-е. склонения с консонантными основообразующими формантами в качестве бывших посессивных склонений [см. 8, 21, 22], то остается большим вопросом, как с ними соотносится и.-е. гетероклитическое склонение. Одно очевидно: гетероклитическое склонение связано с консонантными склонениями, сущность которых хорошо раскрывается из финно-угорских языков.

В отдельных финно-угорских языках кроме посессивных склонений имеются еще определенные склонения, которые как бы отпочковались от посессивных, поскольку в них обобщены один или два местоименных форманта. Чаще всего таким формантом является местоименная основа, восходящая к 3-му л. ед. ч. Так, например, в мордовских языках кроме посессивного склонения развилось указательное или определенное склонение. В эрзянском языке в ед. ч. к имени прибавляются указательные частицы (в ед. ч. только две): к им. п. ед. ч. — частица *сь*, образованная от *се* 'тот', к окончаниям остальных падежей — *нть* или *сть*, которая содержит элемент *ть-* от *те* со значением 'этот' [23, с. 45–46]. Такую же корреляцию между им. п. и косвенными падежами можно наблюдать и в мокшанском языке, в котором в им. п. ед. ч. выступает частица *сь*, а в косвенных — *ть* [24, с. 204]. В тех финно-угорских языках, где не имеется отдельного указательно-определенного склонения, местоименные показатели посессивных склонений чаще всего 3-го л. ед. ч., а иногда и 2-го л. ед. ч. выполняют функцию передачи определенности, поскольку и то, и другое сформировалось на основе указательных местоимений. Именно поэтому 2-е и 3-е л. ед. ч. сохраняют функцию определенности даже в тех случаях, когда не сложилось специальное указательно-определенное склонение. В коми-пермяцком эту функцию выполняет 3-е л. ед. ч., в коми-зырянском — 2-е и 3-е л. ед. ч.; в пермском наречии языка коми это относится также ко 2-му и 3-му л. ед. ч.; в пресыктывкарском диалекте коми языка функцию определенности берут на себя аффиксы 2-го (*-ыд/-ид*) и 3-го л. (*-ыс/-ис*) ед. ч. [25, с. 304, 286; 26, с. 33; 27, с. 59–61]. В одной из своих работ я показываю, что в хантыйском языке употребление имени в 3 л. ед. ч. в посессивном склонении, как правило, передает определенность [28, с. 10]. Первоначальное нахождение посессивных (местоименных) формантов в финно-угорских посессивных склонениях, как это отмечает Д. Дечи, было между основой имени и окончанием. Посессивные форманты указывали на обладателя или лицо и определенность, или посессивные отношения [29, с. 66]. Сами же посессивные форманты Д. Дечи, так же как и Б.А. Сереб-

ренников, считает более древними по сравнению с падежными показателями [29, с. 70; 30, с. 347]. Б.А. Серебренников очень глубоко анализирует появление посессивных формантов. Он пишет: «Притяжательные суффиксы образовались в тот период исторической жизни уральских и тюркских языков, когда личных местоимений еще не было, а было нечто совершенно другое. Материалы уральских языков наглядно свидетельствуют о том, что отношения принадлежности возникли в результате переосмысления первоначальных пространственных отношений. Это может быть доказано тем, что некоторые притяжательные суффиксы и указательные местоимения содержат одни и те же элементы» [31, с. 279].

В древних и.-е. консонантных склонениях мы застаем лишь второй уровень, сопоставимый с финно-угорскими указательно-определенными склонениями, где обобщаются один или два дейктических форманта. Еще раз подчеркнем, что чередование двух основообразующих формантов в и.-е. гетероклитическом склонении очень напоминает подобное же чередование, сохранившееся в эрзянском языке, где в прямом падеже употребляется один дейктический элемент, а во всех косвенных падежах — другой [см. 23]. Употребление же в финно-угорских языках двух посессивных формантов со значением определенности подводит нас к иному осмыслению и.-е. гетероклитического склонения. В последнем, видимо, чередовались две дейктические частицы с указанием на ближний и дальний предмет. Ближнее маркировало им. п., а дальнее — косвенные падежи. Однако более ранний этап формирования древних и.-е. склонений нигде не зафиксирован. Мы можем лишь предполагать, что гетероклитическому склонению предшествовали посессивные склонения с местоименными формантами для всех трех лиц. Сохранение же пространственных значений у и.-е. консонантных основообразующих формантов в локативных падежах, равно как и развитие генитива на основе этих пространственных отношений, может свидетельствовать о том, что развитие склонений в и.-е. языках шло по той же схеме, которую мы обнаруживаем в уральских языках, т.е. генитивная форма падежа в и.-е. языках возникла на основе первичных формантов местных падежей, что мы пытались показать в своих статьях [см. 8 и др.]. Мы уже приводили возможные генитивные форманты по В.В. Шеворошкину, в которых явно проступает локативный характер [32, с. 90]. Поэтому можно с уверенностью сказать, что и.-е. консонантные основообразующие суффиксы использовались очень широко — от словообразования до формообразования. Их былая полисемантность с течением времени начала утрачиваться, поскольку, по мнению М.М. Гухман, в и.-е. языках

произошел глубокий *типологический* сдвиг [15, с. 239]. Только этим можно объяснить, что и.-е. языки пошли иным путем развития нежели уральские языки, в которых в большинстве своем сохранился агглютинативный строй. Сравнение финно-угорских языков с и.-е. в этом плане вполне обосновано, ибо, ссылаясь на мнение Петерсена, Г.Б. Джаукян пишет, что «...если бы исчезли все финно-угорские языки и мы открыли бы один из них, то не преминули бы назвать его индоевропейским» [33, с. 49]. Вслед за Джаукяном можно предположить, что в далеком прошлом и.-е. языки могли быть агглютинативного строя. Об этом свидетельствуют некоторые глагольные формы отдельных и.-е. языков. Например, в следующей готской глагольной форме без труда можно выделить показатели, каждый из которых, как это имеет место в агглютинативных языках, передает только одно значение: *sandidēdeina* (*sand-i-dēd-ei-na*) – претерит опатива от гл. *sandjan* ‘посылать’. В этой глагольной форме можно расшифровать почти все элементы: *sand-* – основа глагола, *-i-* – формант глаголов первого класса, *-dēd-* – показатель прошедшего времени (развившийся из самостоятельного глагола со значением ‘делать’), *-ei-* – показатель опатива пр. вр. (употребляется так же самостоятельно, как относительная частица), *-na-* – окончание глагола 3-го л. мн. ч. В имени же основообразующий формант очень рано начинает сливаться с окончанием. И все-таки даже скудные остатки, где можно выделить основообразующий формант, говорят о том, что и имени в глубокой древности была свойственна агглютинация. Такой подход к древним и.-е. языкам позволяет трактовать и.-е. гетероклитическое склонение в качестве промежуточного этапа в развитии склонений от посессивных (в чистом виде не засвидетельствованных в и.-е. языках) к указательно-определенным склонениям и далее к так называемым консонантным склонениям, в которых обобщался только какой-то один дейктический элемент.

Выскажем также свои соображения в отношении корреляции двух основообразующих формантов в одной и той же парадигме в праиндоевропейском, которая еще встречается в хеттском. Видимо, из самых древних чередований было чередование между чистой основой и косвенной с консонантным основообразующим формантом (как это приводит Э. Бенвенист). Консонантный формант в косвенных падежах нами трактуется как первичный падежный показатель с широкими функциями, в том числе и функцией агенса [8, с. 150–156 и др.]. Появление же в прямом падеже (им. п.) форманта *-r-*, который, по мнению Э. Бенвениста, носит более поздний характер, может быть объяснено только тем, что с развитием склонения (видимо, прошедшего в глубокой древности путь посессивного склонения) еще до

обобщения какого-либо одного консонантного форманта чередовались разные местоименные частицы как остаточное явление от посессивных склонений (ср. с эрзянским языком). С перенесением функций агенса на прямой падеж, скорее всего, стала употребляться клитика, которая начала восприниматься как падеж субъекта, т.е. именительный падеж (падеж производителя действия). Видимо, эта клитика когда-то могла быть связана с номинативом. В косвенных же падежах употреблялся другой формант (чаще всего *-n-*), который передавал большую удаленность, поскольку имел связь с третьим лицом, исторически же восходя к указательному местоимению. Приведем трактовку К. Бруганом этого элемента, восходящего к и.-е. **-eno-*, **-enā-*, **-ono-*, **-onā-*, который представлен в арм. как *ana-* ‘этот, он’ (*dieser, der, er*), ав. *ana*, лит. *anā-s*, *añs* ‘тот’, ж. р. *anà*, ст.-сл. *onŭ* ‘тот, он’, ж. р. *ona* [34, с. 769]. Формант *-r-* в качестве самостоятельной указательной частицы не приводится. Однако если исходить из того положения, что в древних и.-е. языках дейктических частиц существовало гораздо больше, чем это зафиксировано у А. Мейе, то формант *-r-*, возможно, где-то сохранился с указательной функцией. Нам удалось установить, что в одном из древних и.-е. языков – древневаллийском (кельтская группа языков) – сохранился определенный артикль *ir*, например: *ir anatou* ‘пятна’, *yr eiry* ‘снег’, *yr heul* ‘солнце’ [35, с. 268]. Как известно, артикли восходят к указательным местоимениям, и факт существования элемента *-r-* в артиклекобразной форме говорит о том, что такой элемент должен был существовать в протоиндоевропейском. Так или иначе, но обе дейктические частицы в склонении *r-/n-* основ имеют местоименное происхождение. Подчеркнем, что более позднее появление *-r-* (по Э. Бенвенисту) связано с перестройкой индоевропейской падежной системы, направленной на передачу субъектно-объектных отношений.

Подводя итоги, можно предполагать существование в древнейший период и.-е. языков посессивных склонений для всех трех лиц, как это имеет место быть в уральских языках. Гетероклитическое же склонение в древних и.-е. языках и его отголоски в виде склонений родственных слов в одних языках с основой на *-r*, а в других – на *-n* (то же самое относится и к чередованию других консонантных основ), по всей видимости, отпочковались от когда-то существовавших и.-е. посессивных склонений. В свою очередь, и.-е. консонантные склонения, обобщившие дейктический элемент, связанный, как в финно-угорских, со 2-м или 3-м лицом, могли выполнять роль определенно-указательных склонений. Эта черта частично сохраняется за формантом *-n-* и *-in/-ein* в качестве постпозитивного суффицированного артикля в готском [7, с. 163] и древнескандинавских языках [36, с. 190–193].

Литература

1. Бенвенист Э. Индоевропейское именное словообразование. М., 1955.
2. Сравнительная грамматика германских языков. Т. 3, М., 1963.
3. Whitney W.D. A Sanskrit grammar. Leipzig, 1889, XXVI.
4. Туманян Э.Г. Древнеармянский язык. М.: Наука, 1971.
5. Sturtevant E.H. A Comparative Grammar of the Hittite Language, Philadelphia, 1933.
6. Десницкая А.В. Вопросы изучения родства индоевропейских языков. М.–Л., 1955.
7. Осипова О.А. Функциональная вариативность древнегерманских консонантных основообразующих формантов // Языки мира. Проблемы языковой вариативности. М., 1990.
8. Осипова О.А. О возможном формировании индоевропейской падежной системы // Язык: теория, история, типология. М., 2000.
9. Осипова О.А. Следы классного и активного строения имени в древних индоевропейских языках // Теоретические аспекты лингвистических исследований. Новосибирск, 1984.
10. Осипова О.А. О двойственной природе индоевропейских основообразующих формантов // Вопросы слово- и формообразования в индоевропейских языках. Томск, 1988.
11. Осипова О.А. Одно из обоснований местоименных истоков индоевропейской падежной системы // Актуальные вопросы лингвистики и лингводидактики. Тюмень, 1997.
12. Specht F. Ursprung der indogermanischen Deklination. Göttingen, 1947.
13. Гухман М.М. Конструкции с дательным-винительным лица и проблема эргативного прошлого индоевропейских языков // Эргативная конструкция предложения в языках различных типов. Л., 1967.
14. Гухман М.М. Приемы сравнительно-исторического изучения словоизменения // Вопросы методики сравнительно-исторического изучения индоевропейских языков. М., 1956.
15. Гухман М.М. Историческая типология и проблема диахронических констант. М., 1981.
16. Климов Г.А. Типология языков активного строя. М., 1977.
17. Тронский И.М. О доминативном прошлом индоевропейских языков // Эргативная конструкция предложения в языках различных типов. Л., 1967.
18. Савченко А.Н. Эргативная конструкция в предложениях в праиндоевропейском языке // Там же.
19. Бенвенист Э. К анализу падежных функций: Латинский генитив // Бенвенист Э. Общая лингвистика. М., 1974.
20. Леви-Брюль Л. Первобытное мышление. М., 1930, XXVIII.
21. Осипова О.А. Типология как один из методов лингвистической реконструкции // Тез. 36 Междунар. конф. Лингвистического общества Европы, 2003.
22. Ossipova Olga. The Possibility of the Existence of Possessive Declensions in Ancient Indo-European // Lingua Posnaniensis, v. XLIV, 2002.
23. Евсевьев М.Е. Основы мордовской грамматики. Эрзянь грамматика. М., 1931.
24. Феоктистов А.П. Мокшанский язык // Языки народов СССР. Финно-угорские и самодийские языки. Т. 3. М., 1966.
25. Лыткин В.И. Коми-пермяцкий язык // Там же.
26. Зубов А. Основы грамматики пермского наречия языка коми. М., 1931.
27. Жилина Т.И., Бараканов Г.Г. Присыктывкарский диалект и коми литературный язык. М., 1971.
28. Осипова О. А. Типология как один из методов лингвистической реконструкции // Сравнительно-исторические и типологические исследования языка и культуры: проблемы и перспективы. Т. 2, Томск, 2004.
29. Decsy Gyula. The Uralic Protolanguage: A Comparative Reconstruction. Eurolingua, Dloomington, Indiana, 1990.
30. Серебренников Б.А. Вероятностные обоснования в компаративистике. М., 1979.
31. Серебренников Б.А. К проблеме происхождения притяжательных суффиксов в тюркских и уральских языках // Фонетика. Фонология. Грамматика: К семидесятилетию А.А. Реформатского. М., 1971.
32. Шеворошкин В.В. К истории индоевропейского генитива // Вопросы языкознания, № 6, 1957.
33. Джаукян Г.Б. Очерки по истории дописьменного периода армянского языка. Ереван, 1967.
34. Brugmann K. Grundriss der vergleichenden Grammatik der indogermanischen Sprachen. Strassburg: Karl J. Trübner, 1892, Bd. 2, XIV, 1438 S.
35. Льюис Г., Педерсен Х. Сравнительная грамматика кельтских языков. М., 1954.
36. Стеблин-Каменский М.И. Древнеисландский язык. М., 1955.

Принятые сокращения

Языки: и.-е. – индоевропейские, гот. – готский, тельный, дат. – дательный, им. – именительный, греч. – греческий, др.-инд. – древнеиндийский, двн. мн. ч. – множественное число, л. – лицо, п. – падеж, – древневерхне немецкий, лат. – латинский, скр. – род. – родительный, пр. вр. – прошедшее время, санскрит; **грамматические пометы:** вин. – винительный, ср. р. – средний род.